

Кровать

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1971. Том 2 С. 39 - 43.

Ресторан опустел. Остались только я и Леонид Антонович. Было далеко за полночь. Усталые лакеи с измятыми, желтыми лицами тушили лампы. По той "развязности", с которой они обмахивали салфетками мраморные доски соседних столиков, чувствовалось их неудовольствие против двух поздних и невыгодных посетителей.

-- О, это была удивительная кровать! -- продолжал Леонид Антонович.-- Только в добрую, затейливую старину и делались такие широкие двухспальные кровати, на которых, в случае надобности, можно было свободно танцевать кадрили. Вероятно, ей было лет около восьмидесяти, если не больше, но она сохранилась очень недурно. Ее спинки и бока из цельного, массивного красного дерева, покрытые резьбой и украшенные бронзовыми горельефами, производили впечатление чего-то семейного, солидного, почти торжественного. Тонкие витые бронзовые колонки, возвышавшиеся по четырем углам кровати, сходились вместе наверху и образовывали остов пышного балдахина. Толстые, улыбающиеся амуры, с ямками на щеках и на локтях, грациозно поддерживали ниспадающие до самого пола великолепные штофные занавеси.

Увидел я эту кровать среди кучи всевозможной рухляди, нагроможденной в аукционной зале, куда меня завлекли отчасти праздная скука, отчасти страстишка к антикварным вещам... Впрочем, я всегда был склонен думать, что даже такими, с виду совершенно бесцельными поступками человека управляют неизбежные, математически точные законы судьбы. Оценщик закричал:

-- Кровать двухспальная... цельного красного... бронзовые украшения... стиль рококо... полог штофный, с вышивкой ручной работы... ножки поломаны... пятнадцать рублей... Кто больше?..

Во мне вспыхнул огонек коллекционера, и я сказал умышленно небрежным тоном:

-- Гривенник.

-- Пятнадцать рублей десять копеек... кто больше?.. Кровать двухспальная... рококо... Кто больше?

Недалеко от меня толклась шумная кучка каких-то подозрительных личностей, в картузах, в длинных сюртуках, в сапогах бураками... По их непринужденности, шушуканью, бросаемым и подхватываемым на лету шуточкам и многозначительным словечкам я догадался, что это маклаки -- завсегдатаи аукционов. Один из них высунулся вперед и крикнул:

-- Полтинник!

-- Пятнадцать рублей пятьдесят копеек... Кто больше?

Я набавил еще гривенник. Темная личность -- полтинник. Я -- еще гривенник, он -- еще полтинник. Хотя я и начинал волноваться, но владел собою прекрасно: это уж такой специальный аукционный опыт. Однако когда кровать возросла до тридцати рублей, я почувствовал себя неловко. В кармане у меня в этот вечер было всего-навсего тридцать шесть рублей с какой-то мелочью -- все мои жизненные ресурсы до конца месяца.

-- Тридцать один рубль шестьдесят копеек,-- повторил аукционист,-- кто больше? Я молчал.

-- Кто больше?.. Раз! Он глядел на меня вопросительно. Я заложил руки в карманы и продолжал молчать, хотя сердце у меня в груди так и прыгало.

-- Тридцать один рубль шестьдесят копеек... кто больше?.. Два!

Между темными личностями произошло смятение (очевидно, они набивали цену ради того, чтобы получить отступное или чтобы отвадить конкурента). Я нагнулся, осмотрел с самым пренебрежительным видом сломанные ножки, даже пошатал их немного и сказал, решительно повернувшись спиной к оценщику:

-- Только на дрова и годится... Тридцать два рубля и больше ни копейки. Темные личности спасовали. Кровать осталась за мною. Когда я привез ее домой и отмыл толстый слой грязи, покрывавший бронзовые горельефы, то был поражен их художественным исполнением. Их было два, по одному на каждой спинке. Они изображали свадебное шествие все тех же толстоногих, кудрявых, веселых амуров с раздутыми щеками. Один из них полз на четвереньках, между тем как другой сидел верхом у него на спине, третий и четвертый трубили в длинные трубы. Целая группа тащила на плечах цветочные цепи и факелы Гименея. Шествие замыкало двое окончательно пьяных амуров, из которых один, полулежа на земле, предлагал чашу с вином длинному аисту, испуганно поджимавшему правую ногу, а другой в это время выдавливал на голову своему собутыльнику тяжелую кисть винограда. И еще один толстяк, немного в стороне, полуотвернувшись от хмельной процессии, с детской наивной простотой орошал